Originalveröffentlichung in: Voprosy struktury germanskich jazykov (1977), No. 2, S. 66-71

В. А. ЗАРЕЧНЕВА

К ВОПРОСУ ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВА

В последнее время лингвисты разных направлений проявляют все больший интерес к изучению содержательной стороны языка. И это не случайно, так как именно содержательная сторона языка в диалектическом единстве с его формальными аспектами составляет сущность языка как универсального средства общения, и как самого верного, самого точного и самого могучего средства выражения мыслей и чувств[1].

Наименее изученным аспектом смысловой структуры слова до сих пор остается его стилистическая сущность, под которой мы понимаем "совокупность экспрессивных, эмоциональных, стилистических средств"[2]. Еще менее разработанным является вопрос стилистического использования словообразовательных моделей. Наиболее показательны в этом отношении работы по русскому языку, возможно в связи с тем, как отмечает И. Л. Степанова, что русский язык богаче других экспрессивными средствами[3]. Преимущественной принадлежностью русской разговорной речи, например, являются суффиксы и префиксы субъективной оценки, словообразовательная, а не формообразующая функция которых обусловливается их эмоциональной природой, ибо они формируют в языке слова с особым значением и назначением, например, распрекрасный, развеселый, сынуля, доченька. Исследователи других языков стали уделять значительное внимание стилистическому аспекту словообразования. и все же данный аспект словообразования находится лишь в начальной стадии разработки. И дело здесь, на наш взгляд, в следующем. Лингвостилистика является очень молодой языковедческой дисциплиной. Ее основные категории, такие, как, например, экспрессивность, эмоциональность до настоящего времени не получили должного освещения и однозначного толкования в лингвистике. В лингвистических исследованиях наблюдается смешение понятий "стилевой", "экспрессивный", "эмоциональный". Соотношение эмоционального с экспрессивным толкуется разными лингвистами по-разному. О. С. Ахманова, Р. Н. Будагов, В. В. Виногра-

Publikationsserver des Leibniz-Instituts für Deutsche Sprache
URN: http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:mh39-101848

дов, А. Зейдель, В. Шнейдер, Н. М. Шанский их отождествляют. Е. М. Галкина-Федорук понятие "эмоциональность" отличает от понятия "экспрессивность", так как, несмотря на их взаимосвязь, у них разные функции и задачи. Эмоциональные элементы в языке служат для выражения чувств человека, экспрессивные - для усиления выразительности и изобразительности, как при выражении эмоций, так и при выражении мысли[4]. Мы присоединяемся к мнению Е. М. Галкиной-Федорук о том, что "выражение эмоции в языке всегда экспрессивно, но экспрессивность в языке не всегда эмоциональна". "Эмоционально окрашенные слова выражают чувства человека, что всегда делает речь выразительной, т. е. экспрессивной"[5].

Н. А. Гастилене считает, что экспрессивность может быть свойственна и элементам языка, и элементам речи. По ее мнению, в качестве дифференциального признака на языковом уровне следует считать системные, а на речевом - контекстуальные экспрессивные элементы[6]. То же самое можно сказать и об эмоциональности. Многие лингвисты, сторонники рационализма в языке отрицают чувственный элемент в словах. Один из них, А. Блейхер, считая язык звуковым выражением мысли, полагал, что "чувства, восприятия, волеизлияния язык прямо не выражает: язык не непосредственное выражение чувства и воли, но мысли. Если необходимо через посредство языка выразить чувство и волю, то это возможно сделать только опосредованным путем, а именно, в форме мысли"[7].

Но большинство лингвистов все-таки признает эмоциональность как неотъемлемый компонент содержательной структуры слова, исходя из оппозиции: нейтральное слово - эмоционально окрашенное слово, единой же точки зрения на природу эмоционального все-таки нет. Это можно проследить хотя бы по терминологии.

И. В. Арнольд[8] употребляет для обозначения эмоционального термин "эмоциональное сознание", А. Зиберер[9] - "сопутствующая значимость", состоящая из " попутного представления + чувственного компонента", Б. Дорожевский[10] - "чувственный тон"[11].

Против такой непоследовательности в терминологии выступает Э. Г. Ризель[12], считая, что подобное явление стало возможным из-за влияния работы К. О. Эрдманна[13] о трех компонентах в значении слова: 1) понятийное содержание (begrifflicher Inhalt), 2) попутный смысл (Nebensinn) и 3) чувственный элемент (Gefühlswert), или содержание, связанное с настроением. Э. Г. Ризель приводит в своей работе цитату О. С. Ахмановой: "Следует еще раз и настойчиво подчеркнуть, что если речь идет о стилистике языка, то эти обертоны и коннотации являются элементами ингерентными, т. е. свойственными данным элементам языка объективно, вне непосредственной зависимости от того или другого случая их индивидуального или конкретного речевого воспроизведения"[14]. Мы охотно присоединяемся к сущности этого высказывания, но считаем терминологию, вслед за Э.Г. Ризель, неудачной. Выражение "обертон" автоматически связывается с субъективным, а "коннотация", основывающаяся, большей частью, на ассоциации, может быть реализована только на уровне речи. Мы же говорим об объективном характере стилистических значений в языке и лишь о субъективном характере их реализа-

ции в речи. Вещественные и стилистические значения свойственны лексическим единицам прежде всего как единицам языка, что обеспечивает их понятийность, их понимание всеми носителями языка, независимо от того, каким семантическим трансформациям, каким "потрясениям" будет подвержено слово в процессе общения[15].

Эту же мысль высказывает Н. Г. Комлев: "Чувственный компонент в лексическом понятии (или значении) имеет в виду чувства, в разной интенсивности сопровождающие лексику. Однако в так называемой экспрессивной лексике чувство является не коннотацией, а лексическим понятием. Эмоциональный оттенок слов этого типа один и всеобщ для всего языкового коллектива"[16].

Лингвисты из ГДР Т. Киппан и К. Е. Зоммерфельд, уделяющие много внимания исследованию семантики слова, разделяют взгляд советских ученых на объективную сущность эмоционального в слове: "Отдельные значения есть нечто большее, чем только понятийное ядро, т.е. определенные слова вызывают у всех членов языкового общества определенное эмоциональное действие"[17].

Подводя итоги выше сказанному, мы считаем возможным определить эмоционально-оценочное значение как лингвистическое образование, объективно существующее в системе языка в качестве компонента семантической структуры слова. Под эмоционально-субъективной оценкой мы понимаем отношение говорящего к фактам действительности. Это отношение может быть: ласковое, дружелюбное, одобрительное, шутливое, ироническое, пренебрежительное, презрительное.

Эмоционально-оценочное значение тесно связано с тем или иным функциональным стилем. Так, например, в разговорной речи при актуальности собственно-понятийных значений очень часто выражаются субъективно-оценочные и эмоционально-экспрессивные значения. Выявить и охарактеризовать эмоционально- оценочные нюансы слова нелегко, так как они часто варьируют. В настоящее время не представляется возможным говорить о системности (в полном смысле этого слова) эмоционально-оценочной лексики, речь может идти лишь о некоторых системных отношениях между элементами этого разряда. Для выявления характерных особенностей эмоционально-оценочной лексики необходимо изучить материал по предметно-смысловым группам, взяв за принцип классификации тот или иной релевантный признак. В словаре современного немецкого языка под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница[18] есть специальные пометы для обозначения эмоционально-оценочного значения слова: vertraulich, scherzhaft, spöttisch, übertrieben, abwertend, Schimpfwort, derb, verhüllend. Для своей работы мы выбрали из этого словаря сложные глагольные коллоквиализмы с первым компонентом наречием, и пытались проследить, чем достигается та или иная эмоционально-оценочная окраска слова.

Обиходно-разговорная речь представляет собой большой интерес с точки зрения словообразования, поскольку именно здесь проявляется "словообразовательная смелость", постоянная неудовлетворенность старым и поиски новых выразительных лексических средств. Обиходно- разговорная речь является своеобразной экспериментальной мастерской, где проделывается бесчисленное количество "опытов", прежде чем выделится закономерное и будет отброшено случайное[20]. В статье "К вопросу о сложных глагольных коллоквиализмах с

первым компонентом наречием (модель AdV) мы смогли выявить некоторые стилистически окрашенные варианты этой модели. При этом оказалось, что в большинстве случаев сложный глагольный коллоквиализм обладает по отношению к опорному глаголу (симплексу) новым значением, но не столько конкретно-лексическим, сколько эмоционально-оценочным.

Определяющим в сложных коллоквиальных глаголах является не само действие в его абстрагированном виде, а его качественная характеристика, оценка. Так, например, reden, daherreden, herunterleiern, hinreden, hinplaudern, herleiern. Коллоквиализмы daherreden, herunterleiern, hinreden, hinplaudern, herleiern являются эмоционально-окрашенными инвариантами лексико-семантической группы глаголов речи. Эмоционально-окрашенные слова предполагают, как правило, синонимы в нейтральной лексике, они реализуют свое значение лишь в соотнесении с этим стилистически нейтральным опорным словом. Только на основе их соотнесения с опорными словами можно говорить о тех отличительных семантических признаках, по которым они противопоставлены последним. Итак, оценочность входит как неотъемлемый элемент в значение коллоквиализмов, но она "невозможна без наличия в языке опорных единиц лексико- семантической парадигмы, т. е. нейтральных синонимов"[21].

В сложных глагольных коллоквиализмах преобладает эмоциональная оценка пейоративного (негативного) характера [22].

В атмосфере непринужденности, "безгалстучности", интимности или неуважительности, бесцеремонности или даже грубости говорящий часто дает волю своим чувствам и высказывает открыто неодобрение, пренебрежение, презрение. Эти эмоции со стороны говорящего могут быть вызваны причинами разного характера, в том числе этического или эстетического характера.

Информация об эстетических качествах явлений действительности - это информация о целесообразном совершенстве объекта, прежде всего о совершенном, наилучшем функционировании "вещи", наиболее полном соответствии явления своему назначению[23]. Если же такого соответствия не наблюдается, говорящий высказывает свое неодобрение по отношению к этому предмету или явлению.

Если речь собеседника несовершенна по форме или по содержанию, говорящий может охарактеризовать ее следующими сложными глагольными коллоквиализмами: daherreden, daherfaseln, dahermurmeln, daherquatschen, daherschwatzen, daherschwätzen, hinbrummen, hinplaudern, hinreden, hinsprechen. Монотонность, необдуманность речи подчеркивают такие коллоквиальные глаголы, как: herbeten, herleiern, herplappern, herstammeln, herstoltern, herunterbeten, herunterleiern, heruntersagen, herunterschnurren ⟶ eintönig, gedankenlos sprechen.

На небрежность в исполнительской манере музыканта или певца показывают такие СГК, как: herunterspielen, herunterklimpern, herunterschmettern, niedersingen ⟶ nachlässig spielen, singen.

То же самое порицание, осуждение небрежности при письме прослеживается в СГК типа: etw. herunterhasten, herunterhauen, hinkritzeln, hinschmieren, hinzeichnen, hinklieren, hinhauen, hinschludern ⟶ etw. nachlässig zu Papier bringen.

В выше названных СГК неодобрение, порицание высказывается с эстетической точки зрения. Неодобрение, порицание может быть вызвано и моральными факторами. Показательны в этом отношении СГК, характеризующие движение как бесплодное времяпровождение, например, herumbummeln, herumgehen, herumgeistern, herumgondeln, herumlaufen, herumrennen → ziellos, müssig umhergehen.

Отрицательное отношение к бесплодной, ненужной, не приносящей результатов деятельности человека может быть выражено такими СГК, как: an + D herumbosseln, herumarbeiten, herumbasteln, herumbessern, herumdoktern, herumfingern, herumtapezieren и т. д. → ungeschickt, erfolglos arbeiten.

Названные глаголы имеют ярко выраженную пейоративную окраску. Глагол симплекс может этой негативной окраски и не иметь, например, hin'- reden, her - reden, hinsprechen, herumtapezieren, herunterspielen, а если пейоративная окраска имеется в глаголе симплексе, то она еще более потенцируется при соединении наречного компонента, например, sich herumärgern, sich herumbalgen, herumfaulenzen, herumsaufen.

Выраженная симплексом, отрицательная деятельность человека характеризуется в данном случае как явление длительное, затянувшееся.

Высказывая свою оценку, свое отношение к подобным фактам действительности, говорящий пытается воздействовать на собеседника, используя возможность "управления индивидуальным и социальным поведением человека посредством языковой информации". Прямо не порождая "из себя того или иного действия", эстетическая информация, в том числе и языковая, "создает только огромную потребность в действиях, и организуя наше поведение на будущее"[24]. В этом и заключается прагматическое свойство языковых средств.

Процесс человеческого познания включает в себя и элемент оценки. "Нельзя изучать действительное положение вещей," писал В. И. Ленин, "не квалифицируя его"[25]. Изучение эмоционально-оценочной лексики имеет большое теоретическое и практическое значение. Результаты проведенного исследования показывают, что эмоционально-оценочную лексику можно подвергнуть анализу, инвентаризации и классификации на первых порах в более узких рамках, а затем и в системе каждого конкретного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Р. А. Будагов. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? "ВЯ", 1972, №1.
2. С. Б. Берлизон. Выражение экспрессивности и эмоциональности в ФЕ и слове. В сб. "Труды СамГУ им. Алишера Навои", новая серия, вып. 219. Вопросы фразеологии, ч. I, Самарканд, 1972, стр. 242.
3. М. Д. Степанова. Словообразование и вопросы стилистики. В кн.: "Сборник научных трудов". МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 73, М., 1973, стр. 145.
4. Е. М. Галкина-Федорук. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. Сборник статей по языкознанию. М., 1958, стр. 121-124.
5. Е. М. Галкина -Федорук. Указ. работа, стр. 121-124.
6. Н. А. Гастилене. Экспрессивность как одна из языковых функций (на материале чувств выражения утверждения и отрицания в современном немецком языке). В кн.: "Сборник научных трудов". МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 65, М., 1972, стр. 161.
7. A. Schleicher. Die deutsche Sprache. Berlin, 1860, S. 4-8.

8. И. В. Арнольд. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Автореф. докт. дисс., Л., 1966, стр. 26.
9. A. Sieberer. Vom Gefühlswert der Wörter. In: "Die Sprache". Zeitschrift für Sprachwissenschaft. Wien, 1957, 11. Jahrgang, H. 3.
10. W. Doroszewski. Wsrod slow, wrazen' i myśli. Str. 41, Warszawa, 1966.
11. Излагается по кн.: Н. Г. Комлев. Компоненты содержательной структуры слова. Изд-во МГУ, М., 1969, стр. 113.
12. E. Riesel. Stilistische Bedeutung und stilistischer Ausdruckswert als paradigmatische und syntagmatische Kategorie. In: "DaF", 1967, H. 6, S. 326.
13. K. O. Erdmann. Die Bedeutung des Wortes. Leipzig, 1910, S. 109.
14. О. С. Ахманова, Л. И. Натан, А. И. Полторацкий, В. И. Фатющенко. О принципах и методах лингвистического исследования. М., 1966, стр. 176-177.
15. Э. С. Азнаурова. К вопросу о природе стилистического значения. В сб.: "ИЯ в вузах Узбекистана". Ташкент, 1973, вып. 5, стр. 118.
16. Н. Г. Комлев. Указ. работа. стр. 115.
17. T. Schippan, K. E. Sommerfeld. Wort und Kontext. In: "Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung". 1966, Bd. 19, N. 6, S. 532-533.
18. R. Klappenbach, W. Steinitz. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, Leipzig, 1963.
19. В. Д. Девкин. Особенности немецкой разговорной речи. М., 1965, стр. 219; И. В. Кошрева. Словопроизводство коллоквиализмов современного немецкого языка. Канд. дисс., М., 1967, стр. 9.
20. Г. В. Павлов. Стилистическая характеристика сложносокращенных слов (на материале немецкого языка). В кн.: "Очерки по стилистике иностранных языков". Учебное пособие. Ростов на Дону, 1975, стр. 139.
21. Д. Н. Шмелев. О типах лексических значений слова. В сб.: "Проблемы современной филологии". М., 1965, стр. 289.
22. D. Faulseit, G. Kühn. Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache. Leipzig, 1972, S. 156; J. Nosek. Semantic of Modern Colloquial English. In: "Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik". Berlin, 11. Jahrgang, 1963, H. 1, S. 19.
23. Д. А. Киселева. Язык как средство воздействия. Л., 1971, стр.21.
24. Сб. "Природа и функции эстетического". Изд-во "Искусство", М., 1968, стр. 74-75.
25. В. И. Ленин. Полное собр. соч. Изд-ие 5, М., 1969, т. 23, стр.240.